

В издательстве наконец-то закипела настоящая работа.

Работников здесь, включая мадемуазель Полину, было всего трое, но благодаря покровительству господина Толстого забот у них заметно прибавилось.

Обычной дешёвой печатью с кричащими обложками теперь было не обойтись. Пришло время изысканных переплётов и подробных комментариев — ведь люди всегда тянулись к красивой форме.

К счастью, книга была всего одна.

К несчастью, объём работы пугал.

Аль-Хайтам взял на себя составление примечаний и оформление иллюстраций.

— Э-э...

Булгаков заворожённо наблюдал, как Аль-Хайтам с поразительной скоростью переворачивает страницы. Пальцы его так и порхали. Телефон под рукой разрывался от звонков, но тот даже ухом не вёл. Только когда мадемуазель Полина мягко коснулась плеча Михаила, тот спохватился и поспешно снял трубку.

Пусть благодаря авторитету господина Толстого клиенты шли один за другим, обо всём приходилось договариваться лично. Составлением договоров и юридическими тонкостями занималась сама Полина, благо в законах она разбиралась отлично.

— И всё же мы бесконечно обязаны этому господину, — то и дело повторял Булгаков.

Ещё недавно он всерьёз опасался, что его выставят на улицу за ненадобностью, но теперь за свой труд он получал плату, на которую вполне можно было безбедно жить в Москве. Если, конечно, он сам не спустит все деньги в один миг, а господин В не выкинет очередную глупость, за которую придётся расплачиваться.

Зазвонил телефон, и Булгаков вернулся к своим обязанностям.

Эффективность Аль-Хайтама граничила с фантастикой — в Академии Сумеру об этом знали все. Немногие умели столь филигранно планировать время, чтобы покидать рабочее место ровно в ту секунду, когда заканчивался рабочий день. Благодаря феноменальной обучаемости он мгновенно осваивал интеллектуальный багаж нового мира.

В короткий миг передышки Аль-Хайтам бросил взгляд на диван. Тот был пуст.

Он прекрасно понимал, что удержать Фёдора взаперти невозможно, поэтому его исчезновение принял хладнокровно. В голове Аль-Хайтама уже зрел иной план: как излечить этот глубокий, искажённый разум?

Как вернуть к свету того, кто видит мир сквозь призму собственного безумия?

Задача казалась почти неразрешимой.

Но затормозить это падение было куда проще.

Первое и самое важное — не дать ему пролить чужую кровь своими руками.

Первое убийство — смерть отца — ещё можно было списать на неконтролируемый всплеск эсперской способности. Но если Фёдор убьёт осознанно, по собственной воле, это станет точкой невозврата. Путь, который он выберет, окончательно закрепится в его разуме действием.

Значит, нужно помешать ему сделать этот шаг.

Если уподобить Фёдора твёрдому камню, то крушить его молотом или пытаться сокрушить силой — пустая трата времени. Здесь нужна была вода, которая капля за каплей подточит прочный панцирь. Окружить его людьми, погрузить в водоворот событий, заставить усомниться в собственных незыблемых истинах.

Вот только времени у Аль-Хайтама было слишком мало.

Он опустил глаза. Перо продолжало бегло выводить строчки, пока в мыслях выстраивалась стратегия дальнейших действий.

Господину В смертельно надоел этот невыносимый тип по фамилии Толстой.

Что для дьявола важнее всего? Конечно же, порок и абсолютная свобода!

С какой стати его должна сдерживать чужая эсперская способность?

И он просто сбежал.

Впрочем, предупредить Булгакова о том, что он вполне способен разгуливать сам по себе, господин В как-то позабыл.

Ну и к чёрту. Разве может истинная сила зависеть от своего создателя? Куда хочет, туда и летит. И пусть на улицах пока никто не кричит от ужаса, лишая его привычного удовольствия, это дело поправимое.

Устроившись на невидимом ковре-самолёте, сотканном из воздуха, господин В парил над Москвой. Ради забавы он жонглировал картами и заставлял пролетающих голубей превращаться в нелепых уродцев.

Чем бы себя развлечь?

Рассыпать по улицам ворох фальшивых купюр и посмеяться над тем, как люди будут драться за них? Или сорвать у кого-нибудь голову на глазах у толпы, показать сочащийся кровью обрубок, а потом небрежно водрузить обратно? Нарядить прохожих в роскошные платья, которые в один миг растают в воздухе, оставив их нагишом?

Слишком пресно. Все эти фокусы он уже проделывал сотни раз, и реакция смертных была слишком предсказуема. Нужно нечто по-настоящему изысканное.

— А это ещё что за экземпляр? — прищурился он, вглядываясь вниз.

Парил он высоко, под самыми облаками, но зрение его легко пробивало эту толщу, выхватывая детали у самой земли.

Там, внизу, возился ребёнок с белыми косичками и золотистыми глазами. В его облике, однако, не было ничего ангельского — стоило лишь взглянуть на его безумную ухмылку, как всякая святость мгновенно испарялась.

Николай Гоголь деловито возился с какой-то чёрной коробочкой.

Господин В с любопытством опустился рядом, заглядывая мальчишке через плечо. Штуковина оказалась бомбой — из тех, что способны разнести половину квартала весёлыми огненными брызгами.

— Какое прелестное занятие, юный друг! Как вас величать?

— Гоголь!

Внезапное появление незнакомца ничуть не испугало мальчика. Напротив, он сам обожал подобные трюки.

— Что ж, Гоголь, собираешься взорвать это гнездо?

— Именно! Не хотите ли полюбоваться салютом?

Гоголь расплылся в улыбке, совершенно не заботясь о том, что его застукали с поличным.

— И когда же грохнет?

— О нет, не сейчас. Завтра!

— Какое занудство! Вы позволяете какому-то времени диктовать вам условия?

— Вовсе нет! В этом и заключается свобода шута!

Это роскошное поместье явно принадлежало какому-то важному господину, и двое странных гостей, рассуждающих о том, как бы поинтереснее сравнить его с землёй, смотрелись здесь дико. Но их это не заботило.

Прежде чем охрана успела что-то заподозрить, Гоголь накинул свою [Шинель] и растворился в воздухе.

Господин В, несмотря на свои два метра роста, без труда скользнул следом в этот узкий разрез ткани. Уж чего-чего, а законов физики он не боялся. Даже если бы его разрубило пополам, он бы только рассмеялся и заставил обе половины бегать друг за другом.

— Помилуйте, разве можно бросать меня одного? — с напускной обидой протянул господин В, хотя глаза его лихорадочно блестели.

— Но вы ведь всё равно увязались за мной, — весело отозвался Гоголь, снизу вверх разглядывая спутника.

Один длинный и тощий, как телеграфный столб, другой — мелкий, шустрый, словно полевая мышь. Со стороны их дуэт казался галлюцинацией, встречей великана из сказки и карлика.

— Замечательно! Тогда я продолжу свою прогулку в вашей компании.

— Милости прошу!

Так, неожиданно для самих себя, они спелись.

Гоголь повёл своего нового приятеля вглубь базы. Его «Шинель» была потрясающим инструментом — идеальным как для одиночных вылазок, так и для сомнительных знакомств. Мальчишка без зазрения совести притащил опасного незнакомца прямо в логово своей

организации. Если тот решит разнести всё к чертям — тем лучше, база-то всё равно не его.

Гоголь шёл развязной походкой. Редкие часовые, завидев его, поспешно вжимались в стены — свежи ещё были воспоминания о том, какую кровавую клоунаду он устроил при первой встрече.

Теперь же, когда он увлечённо болтал с пустым местом, он казался им законченным безумцем. Но возразить никто не смел. Для обычных наёмников этот мальчишка, едва достигающий взрослого до пояса, был смертоносным монстром с кучей пугающих причуд.

— Скучные они, — ворчал Гоголь на ходу. — Лица вечно кислые, шуток не понимают, фокусов моих не ценят.

Действительно, при виде Гоголя люди либо разбегались, либо натягивали жалкие, испуганные улыбки. Какое уж тут искусство, если от одного его жеста они готовы бухнуться на колени и вымаливать пощаду? Абсолютно дрессированное стадо.

Господин В, видя эту картину, сочувственно закивал:

— Неспособность ценить иллюзии — это смертный грех!

Пока Булгаков мирно занимался делами в издательстве, его эсперское воплощение вовсю обживалось в бандитском логове, делясь соображениями с малолетним маньяком.

Буквально за день их безумные натуры слились в абсолютном согласии. Они болтали обо всём на свете, не обходя вниманием и своих создателей. Господин В в красках расписал, каким непроходимым болваном является Булгаков, а Гоголь в ответ поведал о человеке, с которым свёл знакомство полгода назад.

— Вы называете его единственным другом?

— Да! Мой единственный, бесценный друг! — Гоголь восторженно взмахнул руками, словно пытаясь обнять весь мир. — Он — единственный, кто видит меня насквозь. И именно поэтому он — моя главная, невыносимая земная цепь.

— О, оковы! — Господин В с наслаждением покатал это слово на языке, уловив тонкую философию паренька. — Раз он тебя понимает, значит, держит за ниточку, как воздушного змея?

Эта «ниточка» была для Гоголя единственным доказательством того, что он всё ещё существует в реальности.

— Именно! Но шут должен быть абсолютно свободен!

— И какой же свободы ты жаждешь? Без морали? Без законов? Или вообще без людей? — осклабился господин В. В этот миг в его чертах проглянуло то самое древнее зло, из-за которого его когда-то величали Сатаной.

— Свободы от всего! Свободы быть собой!

Вернувшись в штаб-квартиру вместе с отрядом, Гоголь с глубоким разочарованием обнаружил, что его драгоценный друг бесследно исчез. Это уязвило его, но одновременно укрепило в мысли: путь к истинной свободе всегда тернист.

— Но сначала мне нужно его отыскать.

<http://bllate.org/book/18256/1755706>